

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ПРАВОСУДИЯ

В.В. ЛАПАЕВА

ПРАВО И ПОЛИТИКА

НАУЧНЫЕ ОЧЕРКИ

Валентина Лапаева

**Право и политика:
научные очерки**

«Российский государственный университет правосудия»

2009

УДК 340
ББК 66

Лапаева В. В.

Право и политика: научные очерки / В. В. Лапаева —
«Российский государственный университет правосудия», 2009

ISBN 978-5-93916-195-4

Сборник объединяет статьи и выступления автора за 1995–2008 гг. Каждый материал – отклик на одну из острых политико-правовых проблем. Для правоприменителей, аспирантов, научных работников.

УДК 340
ББК 66

ISBN 978-5-93916-195-4

© Лапаева В. В., 2009
© Российский государственный
университет правосудия, 2009

Содержание

От автора	6
Право и демократия в России: состояние и перспективы развития	7
Право как форма диалога цивилизации[1]	7
Правовая демократия как цивилизационный выбор России[5]	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валентина Лапаева

Право и политика (научные очерки)

Автор Валентина Владимировна ЛАПАЕВА – профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российской академии правосудия, д-р юрид. наук, доцент

От автора

В предложенный вниманию читателя сборник вошли материалы, подготовленные автором в период с 1995 г. по 2008 г. для публикации в широкой печати, выступлений на парламентских и общественных слушаниях, «круглых столах», конференциях и т. д. . . В своей совокупности эти материалы (каждый из которых – отклик на одну из актуальных политико-правовых проблем текущего момента) дают представление о перипетиях новейшей российской истории, отражающих сложности и противоречия процессов формирования гражданского общества и правового государства в постсоветской России.

Мы живем в жестко спрессованном времени, когда на очень коротком отрезке истории происходит смена целых эпох, ломка прежнего уклада жизни и формирование новой ценностно-нормативной структуры общественных отношений. В этих условиях очень быстро забываются те существенные черты и нюансы исторического процесса, без учета которых невозможно должным образом оценить направленность современных тенденций политико-правового развития. Жанр данной работы, научный очерк, позволяет сохранить в памяти недавнюю историю, превращающуюся на наших глазах в «уходящую натуру» и уносящую с собой за завесу времени некоторые важные штрихи и детали прошлого.

Материалы сборника представлены в обратной хронологической последовательности относительно времени их появления, рассмотрены политико-правовые проблемы, ставшие предметом пристального общественного внимания. К сожалению, большинство из них до сих пор не получили надлежащего разрешения, а значит, не утратили свою актуальность. В этом смысле можно сказать, что без возвращения к нашей еще недавней истории невозможно уяснить суть современных задач и найти пути их решения.

Право и демократия в России: состояние и перспективы развития

Право как форма диалога цивилизаций¹

Лейтмотивом выступлений, прозвучавших на VIII Международных Лихачевских научных чтениях «Диалог культур и партнерство цивилизаций», была мысль о необходимости конструктивного межкультурного диалога. Однако при этом высветился ряд принципиальных различий в трактовке условий такого диалога. Дискуссию начал профессор И. Валерстайн, отметивший, что диалог возможен только между равными, т. е. говорящими на одном языке, субъектами общения. Ему оппонировал академик А.А. Гуссейнов, подчеркнувший, что в процессе межкультурного общения необходимо исходить из презумпции равенства культур. При этом он отметил, что механизмы межкультурного диалога следует выстраивать по аналогии с межличностным взаимодействием, в ходе которого люди выступают как равноправные партнеры. Более резкую ноту в дискуссию внесло выступление профессора Дж. Ч. Капура, который выразил озабоченность тем, что западные демократии навязывают остальному миру свои культурные ценности.

В плоскости правового подхода высказанные здесь точки зрения можно интерпретировать следующим образом. Суть позиции профессора Валерстайна сводится, на мой взгляд, к тезису о том, что диалог возможен лишь между теми, кто готов говорить друг с другом на общем для всех языке права. Ведь именно право является универсальным средством, общезначимой формой (т. е., образно говоря, общим языком) международного общения. Близок к этой позиции и академик Гуссейнов, отметивший, что уникальность культуры каждого народа может сохраниться лишь в условиях равноправного диалога, построенного по модели правового взаимодействия индивидов. Что же касается позиции профессора Капура, то она, на мой взгляд, носит внутренне противоречивый характер. С одной стороны, он говорил о том, что насилие не может быть инструментом диалога культур и цивилизованные инструменты такого диалога предстоит вырабатывать. С этим тезисом нельзя не согласиться, тем более что, завершая свое выступление, докладчик высказался в пользу необходимости взаимного учета интересов различных культур на уровне людей как носителей различий. Такой подход предполагает ориентацию на правовые формы диалога, поскольку право (которое, в конечном итоге, всегда есть право человека) и является альтернативой насилию и произволу, способной (в отличие от норм нравственности и религии) в равной степени удовлетворить всех субъектов взаимодействия. Однако проблема в том, что отрицаемые им западные культурные ценности – это как раз те ценности демократии и права, которые только и могут быть формой обеспечения равного диалога на межличностном, межгосударственном и межкультурном уровнях общения.

Дело в том, что право как система отношений, основанных на принципе формального равенства², является единственно возможной формой такого опосредования отношений взаимодействующих субъектов, которое позволяет им (при всех их отличиях) общаться на равных основаниях, реализуя свою свободу и самобытность до тех пор, пока это не мешает свободе и самобытности партнеров по взаимодействию. А все, что не подчиняется принципу формаль-

---

¹ Выступление на VIII Международных Лихачевских научных чтениях «Диалог культур и партнерство цивилизаций» (Санкт-Петербург, 22–23 мая 2008 г.) // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 157–160.

² Данное положение, обоснованное в рамках либертарной концепции правопонимания В.С. Нерсисянца, представляет собой результат теоретической рационализации и логического развития исходного постулата естественно-правовой доктрины, согласно которому люди равны в своем достоинстве и правах. См.: *Нерсисянц В.С. Философия права*. М., 2006. С. 23–101.

ного равенства, – это произвол, у которого нет своего принципа³. Поэтому нельзя выступать против произвола и силового давления в процессе взаимодействия культур и в то же время отрицать универсальное значение ценностей права и правовой демократии. Если тот или иной субъект взаимодействия претендует на свободное партнерство и равноуважительный диалог, то предполагается, что он признает ценность права как инструмента такого взаимодействия.

Применительно к России это означает, что наши претензии на равноправный диалог с Западом должны быть подкреплены признанием универсальности прав человека как инструмента международного общения и реальными шагами в сторону права и правовой демократии внутри страны. Однако в последние годы происходит все более заметная реанимация идеи особого пути России, не вписывающегося в вектор правового развития западной цивилизации. При этом одни говорят, что демократия и права человека – это специфически западные феномены, а России как стране, принадлежащей к евразийской цивилизации, присуща иная система соционормативной регуляции. Другие утверждают, что бывает разное право и разная демократия, не утруждая себя пояснением, почему это «разное» они называют правом и демократией. Последний подход у нас более популярен, потому что говорить, будто право и демократия не годятся для России или (что то же самое) Россия не годится для права и демократии, означает брать на себя слишком большую нагрузку. Гораздо легче сослаться на самобытность нашего «права», основанного на общинной идеологии доминирования государства над личностью и нашей управляемой или суверенной «демократии».

Думаю, что научная честность и политический прагматизм требуют признать, что право – это главное достижение западной цивилизации, ее основной вклад в сокровищницу мировой культуры. Другие цивилизации основаны на таких системах соционормативной регуляции, в которой доминируют регуляторы нравственно-религиозного и произвольно-силового характера. При этом именно разнообразие нравственно-религиозных различий обеспечивает многообразие культурно-цивилизационной палитры человечества. Право же как особая форма нормативной регуляции, основанная на принципе формального равенства, во все времена и во всех цивилизациях по сути своей одинаково (его может быть лишь больше или меньше). Однако значение права состоит в том, что оно является формой несилового, мирного развития отношений между людьми, народами и цивилизациями. Поэтому в ситуации возможного конфликта цивилизаций именно право выходит на первый план. Возможно, в будущем, когда проблема конфликта будет снята, более весомую роль в межкультурном взаимодействии станут играть нравственные регуляторы.

Что же касается России, то это европейская страна, у которой есть все, чтобы войти в «нормальную европейскую траекторию развития»⁴.

Но для этого требуется честная и трудная работа по наращиванию правовой составляющей отечественной ценностно-нормативной системы.

---

³ Там же. С. 40.

⁴ Запесоцкий А. С. Позиция. Избранная публицистика (1985–2006). СПб. 2008. С.105.

Правовая демократия как цивилизационный выбор России⁵

Вставшая перед постсоциалистической Россией проблема выбора модели демократического государственного устройства – это, по сути дела, проблема цивилизационного самоопределения страны, связанная с поиском ее места в формирующейся системе глобальных отношений. В той или иной мере с проблемой самоидентификации сталкиваются сейчас самые разные страны и народы. В конце XX – начале XXI в. мир вступил в полосу столь существенных социальных трансформаций глобального характера, что, по мнению специалистов, идентичность большинства наций стала подвергаться переоценке. «Почти повсюду, – пишет известный американский исследователь С. Хантингтон, – люди вопрошают, переосмысливают и переопределяют то, что у них общего и что отличает их от других людей»⁶.

В перечне стран, испытывающих кризис национальной идентичности, ставший, по его мнению, глобальным феноменом, автор вскользь называет и Россию, где с новой силой возобновились «дебаты девятнадцатого века между славянофилами и западниками относительно того, является ли Россия “нормальной” европейской страной или отчетливо отличной от них евразийской державой»⁷. Между тем для России как, может быть, ни для какого иного государства, проблема поиска своей идентичности стоит особенно остро и болезненно. Ведь дело не только в том, что Россия – это многонациональная и поликонфессиональная страна, расположенная на евразийском пространстве. Особая сложность российской ситуации связана с тем, что для нашей страны самоидентификация в новом глобализирующемся мире совпала по времени с трудным (без преувеличения – судьбоносным) выбором пути постсоциалистического развития. И этот выбор осуществляется в условиях психологической фрустрации и апатии большей части населения.

За всю напряженную многовековую историю страны ее население вряд ли оказывалось когда-либо в состоянии такого психологического кризиса. До недавнего времени (в течение советского периода) Россия само-идентифицировалась не просто как великая держава, имеющая огромную территорию, богатую культуру, образованное население, передовую науку и ядерное оружие, но и как страна, взявшая на себя колоссальный труд по осуществлению «черновой работы всемирной истории, связанной с реализацией и практической проверкой общечеловеческой коммунистической идеи»⁸ и претендующая на адекватное этому напряжению место в мире. Поэтому сейчас проблема не только в том, что Россия оказалась не способна к экономической конкуренции в рамках глобального мира, где ее встретили «как полупериферию, едва ли не страну третьего мира»⁹. Для значительной части населения ощущение уязвленности национального самосознания обусловлено также крушением претензий России на осуществление (пусть и далеко не совершенное) самостоятельного проекта будущего, представляющего общечеловеческое значение. И даже многие последовательные антикоммунисты не могут не переживать это историческое фиаско страны, обесмыслившее понесенные ее беспрецедентные лишения на пути коммунистического строительства. Но, пожалуй, главной причиной наблюдающегося психологического кризиса, породившей социальную (и прежде всего

---

⁵ Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1.

⁶ Цит. по: Россия в глобализирующемся мире. Мировоззренческие и социокультурные аспекты. М., 2007. С. 172.

⁷ Там же.

⁸ *Нерсисянц В. С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001. С. 44.

⁹ Россия в глобализирующемся мире. Мировоззренческие и социокультурные аспекты. М., 2007. С. 175.

социально-политическую) апатию россиян, стало разочарование итогами постсоциалистических преобразований.

Не надо быть психологом, чтобы понимать, что в ситуации подобной фрустрации самоидентификация неизбежно будет носить компенсаторный характер, чреватый выработкой неадекватных представлений о себе и своем месте в мире. Именно такую неадекватность демонстрирует та часть экспертного сообщества, которая с готовностью встречает подбрасываемые властью идеологемы типа «диктатуры закона», «либеральной империи», «суверенной демократии», «сильного государства» и т. п., смысл которых состоит в оправдании авторитарного доминирования государства над обществом как самобытной особенности России, объективно обусловленной ее принадлежностью к евразийской цивилизации. Оппонировать такому подходу очень трудно, потому что он не только притуляет болезненность комплекса правовой неполноценности, но и как бы вписывается в правильную, на мой взгляд, стратегию перехода от политики так называемой догоняющей модернизации к выработке национальной модели модернизации, связанной с осознанием коренных национальных задач и поиском новых, прорывных путей их решения с учетом западного опыта, но на основе российской специфики¹⁰. Тем не менее ответственный подход требует признать, что, если в условиях глобализации Россия (при всей своей специфике, с учетом этой специфики и с опорой на нее) не сумеет сделать выбор в пользу правовой демократии, она останется на обочине общецивилизационного развития.

Конечно, стране, находящейся на крутом переломе своей истории, необходимо сильное государство. Но это должно быть не бюрократически-авторитарное государство¹¹, осуществляющее руководство обществом в приказном режиме, а правовое демократическое государство с эффективно функционирующей системой разделения властей, с самостоятельным парламентом, который ищет правовые решения путем справедливого согласования различных социальных интересов, с исполнительной властью, действующей строго в рамках правового законодательства, с независимым судом, который никто не может использовать в качестве орудия борьбы с политическими и экономическими конкурентами, с наличием реальной (т. е. способной прийти к власти) политической оппозиции и т. д. В.В. Путин, в свою бытность Президентом Российской Федерации, не раз говорил, что в стране нет элементарной управляемости, имея в виду ситуацию, когда власть управляет обществом. Однако подобная приказная управляемость принципиально отличается от правовой, при которой, в конечном итоге, общество управляет властью, формируя ее с учетом своих потребностей и воздействуя на проводимую ею политику. В противном случае мы будем иметь не сильное государство, являющееся носителем и выразителем общенациональных интересов, а сильную бюрократию, которая будет использовать эту силу в своих узкокорыстных целях.

Нынешняя ориентация именно на такой вариант развития была предопределена характером преобразований в сфере отношений собственности. Вряд ли можно согласиться с мнением о том, что «в ельцинском политическом наследстве сохранялся потенциал для двух противоположных тенденций: к углублению состоятельности и плюрализма, с одной стороны, и к усилению монопольно-корпоративной тенденции – с другой»¹².

¹⁰ Там же. С. 178–179.

¹¹ Следует отметить, что «использование понятия “бюрократически-авторитарный режим” применительно к российской реальности является весьма условным» и имеет преимущественно две цели: во-первых, ввести обсуждение характера российского политического режима в контекст мирового дискурса, в котором понятие “бюрократический авторитаризм” достаточно укоренилось; во-вторых, подчеркнуть своеобразие структуры нынешней российской власти, которая опирается на две составляющие: персонифицированную власть лидера и бюрократию». – Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией // *Pro et Contra*. 2004. Т. 8, № 3. С. 41.

¹² Там же. С. 37.

Полагаю, что анализ современных социально-политических процессов вне контекста характера осуществленной в стране приватизации социалистической собственности не позволяет понять причины наблюдаемых сейчас деформаций в сфере социально-политических отношений.

Суть дела, как отмечал академик В.С. Нерсисянц, заключается в том, что в ходе реформ (вопреки риторике самих реформаторов) было осуществлено не разгосударствление собственности, а, напротив, огосударствление прежней социалистической собственности (т. е. собственности «всех вместе» и «никого в отдельности»), которая до этого и не была собственностью в политико-экономическом смысле этого слова. Лишь с помощью приватизации, проведенной главным образом в интересах узкой номенклатурной прослойки, «постсоветское государство как раз и создало экономико-правовые условия, необходимые для самоутверждения в качестве настоящего собственника. По смыслу этого процесса вся масса объектов бывшей социалистической собственности становится настоящей собственностью государства именно потому, что некоторые ее объекты... переходят к отдельным членам общества (индивидам, трудовым коллективам, объединениям, акционерным обществам и т. д.)»¹³. В результате чиновники постсоветской России получили возможность не просто управлять государственной собственностью, а реально распоряжаться процессами ее приватизации и рыночного функционирования. Вместе с представителями крупного российского бизнеса, получившего в результате приватизации из рук чиновников государственную собственность, они сформировали новый правящий класс, представляющий собой феодальный по своей природе симбиоз власти и собственности. Таким образом, исторически необходимое преодоление коммунистического тоталитаризма в исполнении его же представителей обернулось бюрократически организованным и во многом криминально осуществленным захватом наиболее лакомых кусков социалистического наследия.

Неправовая природа осуществленной в стране приватизации (неправовая не только из-за многочисленных нарушений действовавшего на тот момент законодательства, но прежде всего в силу неправового характера самого законодательства¹⁴) обусловила нелегитимность собственности и формирующегося на ее основе общественного устройства. В этих условиях исполнительная власть после неудачной попытки получить широкую общественную поддержку в лице электората партий праволиберального толка (гайдаровского «Выбора России» и т. п.) была вынуждена создать на основе многочисленной армии чиновников собственную «партию власти», а затем планомерно, последовательно и жестко расчистить для нее политическое пространство.

Сейчас стало популярным обвинять российское общество в том, что оно оказалось «не готовым ответственно и организованно распорядиться свободой»¹⁵ и (как это было не раз в его истории) стремится подменить правовую свободу антиправовым произволом. Что же касается государственной власти, то она, мол, «не заставит себя ждать», если конституционные идеи правовой демократии будут наконец-то востребованы обществом¹⁶. На мой взгляд, рассуждать так – значит перекладывать с больной головы на здоровую. Разумеется, в конечном итоге каждый народ заслуживает того правительства, какое он имеет. И наш народ, у которого не было сколько-нибудь серьезного опыта правовой демократии, виноват (перед собой и своей историей) в том, что не сумел сформировать ответственные перед обществом органы власти

¹³ Нерсисянц В. С. Гражданская концепция общественного договора об основах постсоциалистического строя // Социс. 2001. № 2. С. 31.

¹⁴ Подробнее см.: Нерсисянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001; Он же. Философия права. М., 2006. С. 106–132.

¹⁵ Пастухов В. Второе дыхание русского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 8.

¹⁶ Там же. С. 10.

и был «переигран» новой российской бюрократией, вышедшей из второго эшелона партийной элиты КПСС и силовых структур. Но очень важно все-таки отделить ошибки народа от своекорыстия и непрофессионализма сформированной им власти. И тогда станет ясно, что тяга российского народа к анархии, которую так любят преувеличить некоторые аналитики, вполне могла быть преодолена уже на первых этапах преобразований, если бы власть действовала более честно и грамотно (причем, именно в такой последовательности указанных качеств, потому что дефицит честности среди властвующей элиты – это наша самая большая проблема). Однако вместо сложной и кропотливой работы по созданию надлежащих правовых условий формирования гражданского общества, по выстраиванию и укреплению правовых границ его свободы¹⁷ представители новой российской власти начали азартно делить и перераспределять наше общее социалистическое наследие. В итоге мы получили общество, самую организованную часть которого до сих пор составляет организованная преступность. А бюрократия, пользуясь этим, выступает сейчас под лозунгом укрепления российского государства, в очередной раз присваивая себе полномочия по произвольному ограничению свободы людей в своих корыстных интересах.

К настоящему времени уже достаточно ясно, что новая российская бюрократия и не стремилась к созданию либеральной демократии, а использовала антитоталитарный, либерально-демократический порыв общества в своих интересах. Выдвинутые ею на политическую авансцену либералы-приватизаторы – это вовсе не демократы, поскольку в ключевом моменте преобразований (в деле приватизации собственности) они продемонстрировали своекорыстную элитарность. В итоге оказались дискредитированы и либерализм, который народ стал трактовать как ограбление, и демократия, которую стали понимать как вакханалию. Таким образом, основные идеологические ориентиры постсоциалистического развития были девальвированы и оказались во власти бюрократии, выступившей под лозунгом укрепления государства.

Главная задача в политической сфере, которая стояла перед новой российской властью в 90-е годы прошлого века, – найти стык либерализма и демократии в отношении собственности, власти, партий и т. д., – решена не была. Наш либерализм оказался верхушечным, недемократическим, ориентированным на свободу для некоторых и выросшим на обмане народа. Между тем в современных условиях либерализм без демократии обречен на вырождение в авторитарный режим власти. В этой связи надо сказать, что популярная у нас идея создания двух крупных партий по американскому образцу, т. е. партий, выражающих идеологию либеральной демократии и демократического либерализма, обречена на провал. Дело в том, что в США демократия и либерализм зарождались и развивались на одной и той же основе в рамках одного и того же процесса формирования собственности и ее социально-исторической легитимации. У нас же это разные процессы, которые привели к образованию сначала нелиберальной (большевистской) демократии, а потом недемократического либерализма. Соединение либерализма и демократии должно быть однородным, стыкуемым. А в современной России они не только не однородны, а прямо противоположны: капиталистический либерализм и коммунистическая демократия. Между тем либерализм без демократии не может выжить даже в США, а уж тем более в обществе с социалистическим прошлым. Если либерализм не имеет опоры в демократии, то демократия приобретет нелиберальный характер и будет выражаться в неправовых формах. Чтобы избежать этой опасности, надо обеспечить системное единство либерализма и демократии прежде всего в вопросе собственности. В данной связи уместно напомнить, что Б. Ельцин в свое время пришел к власти под лозунгом «Не миллионы в собственность, а собственность – миллионам».

---

¹⁷ См., напр.: Лапаева В.В. Споры вокруг закона о партиях. «Демократия» для избранных или общий правовой порядок для всех // Независимая газета. 2001. 12 марта.

Именно отсутствие стыковки либерализма и демократии породило концепцию **управляемой демократии**, которая понадобилась для того, чтобы оправдать усиление авторитарных тенденций, неизбежное в ситуации, когда общество не просто догадывается, а уже твердо убеждено в несправедливости итогов постсоциалистической приватизации (о чем свидетельствуют результаты многочисленных опросов общественного мнения). Однако эта концепция не долго доминировала на российском политическом пространстве. По мнению заслуживающих доверия наблюдателей, ее эпоха закончилась делом «Юкоса», после которого концепция «управляемой демократии», признающая некоторую свою ущербность и как бы стесняющаяся своей неполноценности, сменилась агрессивной идеологией суверенной демократии, которая сделала суверенную самобытность «предметом своей гордости. Она объявила, что никакой настоящей демократии и не бывает. А наша, ненастоящая и обманная, – вовсе не переходное и временное явление, а, напротив, новое слово в социальной истории человечества...»¹⁸.

Термин **«суверенная демократия»** с теоретико-правовой точки зрения представляет собой эклектичную словесную конструкцию, искусственно стыкующую принадлежащие к разным категориальным рядам понятия *суверенитета* как верховенства и независимости государственной власти и *демократии* как формы правления, т. е. способа организации и формирования этой власти¹⁹. Лукавство этой идеологии состоит в том, что ее авторы и сторонники, хорошо понимающие наличие существенных отличий сложившейся в стране формы правления от стандартов западной модели либерально-правовой демократии, маркируют самобытность отечественной «демократии» словом, обладающим большой притягательной силой. Таким образом они пытаются втянуть (и втягивают) в орбиту идеологии суверенной демократии всех, кто озабочен теми тенденциями в развитии процессов глобализации, которые связаны с односторонней деконструкцией Вестфальской системы международного права «с ее центральными принципами... государственных суверенитетов, неправомерности вмешательства во внутренние дела государств и нерушимости границ»²⁰.

Показательно, что сторонники концепции суверенной демократии говорят только о суверенитете государства, забывая более важное положение Конституции РФ о народном суверенитете²¹. Между тем в конституциях подавляющего большинства демократических государств акцент сделан на признании народного суверенитета, потому что, согласно правовой концепции государства, государственный суверенитет – это лишь следствие народного суверенитета, уходящего своими корнями в право гражданина участвовать в управлении делами государства. Когда же понятие суверенной демократии связывают лишь с суверенитетом государства, то за этим, как верно подмечено, скрывается «попытка государства в очередной раз обрести полный суверенитет от российского демоса, не допустить его самоорганизации и превращения в гражданское общество, дабы оно не вздумало ему указывать»²².

В предложенном В.Ю.Сурковым определении суверенной демократии как «образа политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости...»²³, акцент

¹⁸ Рогов К. Схватка между ненастоящими демократиями // Новая газета. 2008. 26–28 мая. С. 10.

¹⁹ Как справедливо отмечает С.А. Авакьян, «никакой особой связи государственного суверенитета и демократии не существует (в отличие от народного или национального суверенитетов)... Может быть, единственное толкование сочетания суверенитета и демократии – это правление народа посредством демократических институтов... тем самым государство становится защитником интересов народа, в том числе и на международной арене». – Авакьян С.А. Понятия «суверенитет» и «демократия» соединит воедино только подлинное народовластие // Российская газета. 2006. 28 окт.

²⁰ Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы // Российская газета. 2006. 22 авг.

²¹ Без революций // Российская газета. 2006. 19 сент. С. 3.

²² Клямкин И., Кутковец Т. Как нас учат любить Родину // Новая газета. 2006. 24–26 июля. С. 11.

²³ Сурков В.Ю. Национализация будущего // Эксперт. 2006. № 43 (537).

делается автором на фразе «*исключительно российской нацией*», на которую и приходится смысловая нагрузка эпитета «суверенная». Эта фраза, на первый взгляд, звучит привлекательно для всех, кого не может не тревожить то обстоятельство, что «цветные революции», вспыхивающие по периметру российских границ, достаточно наглядно показали, что у Запада есть большие возможности для влияния на общественное мнение внутри молодых демократий и использования стандартов прав человека в качестве инструмента ограничения государственного суверенитета этих стран.

По этому поводу можно сказать следующее. Да, Запад действительно использует право как свое важнейшее достижение для давления на окружающий его мир (для чего уже создана целая система международных правоохранительных институтов, включающая суды и трибуналы). Но в то же время он ставит целью введение этого мира в правовые рамки. С точки зрения Запада в понимании демократии акцент должен делаться на том, что органы власти действительно выбираются, формируются и направляются *самими гражданами той или иной страны, реализующими свою свободную волю*, а не навязываются им за счет использования административного ресурса и политического давления (как внешнего, так и внутреннего). Запад будет признавать суверенность только того государства, органы власти которого сформированы и действуют на демократической основе. Такое положение дел для России унижительно, при каких-то поворотах событий, возможно, и опасно. Но в то же время оно соответствует потребности нашей страны в правовом развитии. Для нас самих право и правовая демократия являются жизненной необходимостью, у нас самих есть потребность в праве, причем, уже вполне осознанная обществом потребность, вскормленная долгим опытом бесправия и выросшим на его основе пониманием того, что свобода возможна только в правовых формах²⁴. Сейчас импульс движения российского общества к праву задавлен усталостью, разочарованием, чувством бессилия людей перед несправедливостью, а в конечном итоге – перед неправовым по своей сути характером очень многих жизненно важных процессов – начиная от приватизации в сфере экономики и кончая созданием моделей разного рода управляемых и суверенных демократий в области социально-политических отношений. Именно нереализованность этой потребности в праве делает постсоциалистические общества беззащитными перед разного рода политехнологическими манипуляциями со стороны Запада. Но потребность в праве и правовой свободе является именно объектом, а вовсе не результатом манипулирования, как это иногда пытаются представить. И чем острее та или иная неосуществленная жизненная потребность, тем уязвимей субъект этой потребности перед разного рода манипуляторами. Поэтому единственно возможный для нас выбор – это путь честного выстраивания такого правопорядка, который будет вписываться в принятые (в том числе и самой Россией) международно-правовые стандарты и, прежде всего, в области прав человека.

В чистом виде есть только два способа международного взаимодействия – это право и сила (все остальное является их комбинацией). Очевидно, что Россия как далеко не самый сильный игрок на международной политической арене заинтересована в наращивании правовой составляющей той системы международных отношений, которая формируется под влиянием глобализации. Не менее важно, что Запад тоже нуждается в мирном развитии глобали-

---

²⁴ Авторы, отмечая историческую приверженность российского народа к правовому нигилизму и пониманию свободы как анархической вольницы, недооценивают, на мой взгляд, то обстоятельство, что в XX–XXI вв. мы имеем дело с качественно иным народом: это уже не крестьянская в своей основе неграмотная масса, а хороню образованное (даже по западным стандартам) население, способное адекватно ориентироваться в современном мире. Анализ результатов социологических исследований, проводимых на протяжении ряда лет разными социологическими центрами, позволяет сделать вывод, что процесс освоения российским общественным сознанием либеральных демократических ценностей набрал уже хорошие обороты и вполне способен преодолеть трудности, связанные как с давлением на массовое сознание прошлого исторического опыта, так и с разочарованием практикой реализации этих ценностей в современных условиях. Но для этого необходимы серьезные усилия со стороны государства, направленные на учет социальных ожиданий населения. См.: Лапаева В.В. Социология права. М., 2008.

зационных процессов, основанном на правовом по своей природе поиске баланса интересов разных стран, регионов и цивилизаций. Ведь разрушительный потенциал идеологии и практики воинствующего антиглобализма был со всей ужасающей наглядностью продемонстрирован 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Политическая элита западных государств не может не понимать, что вне правовых рамок международного взаимодействия окружающее «золотой миллиард» все более плотное кольцо бедного большинства²⁵, быстро осваивающего технические достижения Запада, представляет серьезную угрозу его благополучию. Поэтому призывы Запада к развитию правовых аспектов глобализационных процессов – это вовсе не риторика, прикрывающая практику «двойных стандартов». Поддаваясь время от времени на соблазн использовать свою силу для продавливания политики «двойных стандартов», Запад, тем не менее, не может в целом не стремиться к укреплению правовых основ международных отношений. Идеологическим обеспечением этой интенции является идеология прав человека, потому что с позиций принятой на Западе человекоцентристской естественно-правовой доктрины право – это, в конечном итоге, всегда право человека. Именно поэтому признание на национальном уровне прав человека является для Запада индикатором готовности государства к правовому диалогу на международной арене.

В этом контексте представляет интерес дискуссия, развернувшаяся на прошедших 22–23 мая 2008 г. в Санкт-Петербурге Международных научных Лихачевских чтениях по теме: «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Выступивший на пленарном заседании профессор И. Валерстайн (Йельский университет) сказал, что диалог (а, следовательно, и партнерство) возможен только между равными, т. е. говорящими на одном языке, субъектами общения. Без этого не будет взаимопонимания и диалог превратится в двойной монолог. Ему оппонировал российский академик А.А. Гуссейнов, подчеркнувший, что в процессе межкультурного общения необходимо исходить из презумпции равенства и суверенности культур (только эта посылка может быть основой диалога). При этом он отметил, что механизмы диалога культур и цивилизаций следует выстраивать по аналогии с механизмами межличностного взаимодействия, поскольку сами культуры и цивилизации не имеют субъектности – встречаются и взаимодействуют люди как носители культуры и представители той или иной цивилизации. А люди при всем их бесконечно многообразном различии выработали такие механизмы взаимодействия, которые позволяют им выступать во взаимном общении как равноправные партнеры. Суть развернувшейся дискуссии высветило выступление индийского профессора Д.Ч. Капура, который в довольно резкой форме выразил озабоченность тем, что западные демократии навязывают остальному миру свои культурные ценности, подрывая вековые культуры иных цивилизаций. Однако внутренняя противоречивость его позиции состояла в том, что отрицаемые им западные культурные ценности – это как раз те ценности демократии и права, которые только и могут быть формой обеспечения равного диалога на межличностном, межгосударственном и межкультурном уровнях общения.

Дело в том, что право как система норм, основанных на принципе формального равенства²⁶, является единственно возможной формой такого опосредования отношений взаимодействующих субъектов, которое позволяет им (при всех их отличиях) общаться на равных основаниях, реализуя свою свободу и самобытность до тех пор, пока это не мешает свободе и самобытности партнеров по взаимодействию. А все, что не подчиняется принципу формального равенства, – это произвол, у которого нет своего принципа, «его принципом, если можно

²⁵ Достаточно сказать, что, как следует из выступления на VIII Международных научных Лихачевских чтениях (Санкт-Петербург, 22–23 мая 2008 г.) заместителя министра иностранных дел России А. Яковенко, к 2020 г. в самом Евросоюзе будет около 10 % мусульманского населения.

²⁶ Данное положение, обоснованное в рамках либертарной концепции правопонимания В.С. Нерсисянца, представляет собой результат теоретической рационализации и логического развития исходного постулата естественно-правовой доктрины, согласно которому люди равны в своем достоинстве и правах.

так выразиться, является как раз отсутствие правового принципа... Бесправная свобода – это произвол, тирания, насилие...»²⁷. Поэтому нельзя говорить о необходимости свободного, ненасильственного взаимодействия в форме диалога и партнерства и в то же время отрицать ценности права и правовой демократии. Если тот или иной субъект взаимодействия (индивид, государство или цивилизационное сообщество) претендует на свободное партнерство и равноуважительное отношение со стороны других, то предполагается, что он признает ценность права как инструмента такого взаимодействия.

Применительно к России это означает, что наши претензии на равноправный диалог с Западом должны быть подкреплены реальными шагами в сторону права и правовой демократии внутри страны. И здесь нельзя ограничиться разговорами о том, что, «развивая демократию в нашей стране, мы заинтересованы в демократизации и международных отношений»²⁸. На самом деле честная позиция в данном вопросе требует сказать так: будучи заинтересованными в демократическом (т. е. в правовом) характере международных отношений, мы должны развивать демократию в своей стране. И надо не только сказать, но продемонстрировать на практике следование такому подходу. В противном случае Запад будет считать, что мы не доросли до равноправного диалога. И тут не помогут заклинания о самобытности и суверенности нашей «демократии». Если мы хотим «иметь свой голос» в том международном общественно-политическом дискурсе, в ходе которого формируются позиции международного сообщества по вопросам права и демократии (чтобы не оказаться в роли того, «кто только слушает, а потому и слушается»²⁹), нам необходимо говорить с Западом на правовом языке, а не пугать его своей доморощенной самобытностью.

А если мы еще и претендуем на то, чтобы критически оценивать результаты этого дискурса, то нам требуется более высокая теоретико-правовая позиция по сравнению с той естественно-правовой доктриной, на которую опирается правовая теория и практика Запада. С развитием глобализационных процессов универсализации правовой жизни мирового сообщества необходимость подобной теоретической оценки правовой природы конвенционально устанавливаемых естественных прав человека становится все более актуальной. Она обусловлена имеющими место попытками развитых демократий предложить другим странам в качестве общезначимых и общеобязательных естественно-правовых ценностей нормы нравственно-религиозного характера, применение которых оправдано лишь в условиях соответствующего уровня культурного развития нации³⁰, а то и вовсе внедрить под видом права политико-силовые моменты в практику межгосударственных отношений. Ситуация усугубляется отсутствием в области международных отношений достаточно надежных демократических процедур правообразования. Так, некоторые либеральные противники европейской интеграции справедливо обращают внимание на то, что устанавливаемое на европейском континенте естественное право – это результат договоренностей, которые пока что в значительной мере формируются на уровне бюрократических структур, а не путем демократической процедуры, характерной для процессов формирования национального права в странах правовой демократии³¹.

²⁷ Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2006. С. 40.

²⁸ Сурков В. Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. М., 2006. С. 41.

²⁹ См. выступление В. Суркова на Круглом столе «Российской газеты», посвященном обсуждению концепции суверенной демократии // Российская газета. 2006. 31 авг.

³⁰ Ярким примером подобного подхода является такая трактовка права человека на жизнь (принятая, в частности, в рамках Совета Европы), которая предполагает отмену смертной казни. Подробнее см.: Нерсесянц В. С. Философия права. С. 628–631.

³¹ По словам В. Клауса, принципы и нормы международного права – это «нечто, приходящее извне. Если же это “нечто” не является продуктом демократической плюралистической политики, следовательно, оно – продукт “чистого разума”, а точнее – некой правды, хранителями которой являются немногие избранные (но не избираемые). Значит, это “нечто” является, по сути дела, угрозой демократии». (Клаус В. Почему я не “европеист” // Европа без России. Договор, учреждающий Конституцию Европы, от 20 октября 2004 г. М., 2005. С. 12–14.

Однако наши попытки противостоять такому подходу с позиций своего самобытного «права», основанного на общинной системоцентристской идеологии доминирования общего блага над индивидуальным, не увенчаются успехом: на этом языке с нами никто разговаривать не будет. Нам нужна человекоцентристская теоретическая платформа для диалога, которая позволяла бы оценивать вырабатываемые в рамках международного дискурса правовые стандарты с точки зрения подхода, признающего приоритет прав человека как универсальной общечеловеческой ценности. Адекватным инструментом для решения этой задачи может служить разработанная в отечественной юриспруденции **либертарная концепция права**, в основе которой лежит понимание сущности права как формального равенства³². С точки зрения либертарного правопонимания само по себе право как система, основанная на общепризнанных международным сообществом (при доминирующем участии Запада) принципах и нормах, за которыми по договоренности признается правовой характер, связанный с их соответствием прирожденным правам человека, не является безусловным эталоном. Таким эталоном служат не конвенционально устанавливаемые права человека, а лежащий в их основе принцип формального равенства. Подобного критерия оценки правовой природы нормативных регуляторов нет ни у естественно-правовой доктрины, которая считает правом человека нормы, фактически сложившиеся в результате международных договоренностей, ни (тем более) у легистского правопонимания, для которого право – это нормы, установленные или санкционированные национальным государством.

Возвращаясь с этих теоретических позиций к проблеме суверенитета, можно сказать, что либертарное правопонимание позволяет анализировать государственно-правовые аспекты глобализационных процессов с позиций человекоцентристской правовой идеологии, не впадая при этом в крайности космополитизма, присущие юснатуралистскому подходу. Поскольку естественное право «предполагает и естественное государство (типа единого космополитического государства стоиков, гражданами которого являются все люди, каждый человек)»³³, то последовательные сторонники естественно-правовой доктрины «отрицают позитивное право в пользу естественного права, а суверенное национальное государство (т. е. власть, устанавливающую позитивное право) подменяют негосударственными или надгосударственными инстанциями»³⁴. Так, например, Л.С.Явич утверждает, что «суверенитет государства как якобы абсолютная независимость власти и неперемный признак государства как такового *противостоит* суверенитету народа собственной страны, народам всех стран – мировому сообществу, *противоречит* приоритету международного сообщества и международного права, *мешает* глобальным прогрессивным интеграционным процессам, вообще интеграции государств»³⁵. С такой позицией трудно полностью согласиться. Однако вне либертарного правопонимания всякое отступление от космополитизма естественно-правового подхода неизбежно ведет к системоцентристскому в своей основе легизму, к которому столь явно тяготеет концепция суверенной демократии.

Либертарная концепция правопонимания дает возможность избежать космополитизма, заложенного в естественно-правовую доктрину, не оказавшись при этом заложником легистской силовой модели государственного суверенитета. Согласно данной концепции, суть современных процессов государственно-правовой интеграции следует трактовать «не как капитуляцию государства и позитивного права перед естественным правом и не как ограничение государственного суверенитета в пользу надгосударственных структур, а как поиски разум-

³² Подробнее см.: Нерсесянц В.С. Философия права. С. 28–102; Лапаева В.В. Типы правопонимания: анализ научно-практического потенциала // Законодательство и экономика. 2006. № 4.

³³ Нерсесянц В.С. Философия права. С. 152.

³⁴ Нерсесянц В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. № 5. С. 46.

³⁵ Явич Л.С. О философии права XXI на век // Государство и право. 2000. № 4. С. 12–13.

ного компромисса между естественным правом и государством (с его позитивным правом) на общеправовой основе принципа формального равенства в условиях наметившегося перехода от прежней силовой концепции государственного суверенитета к современной правовой концепции государственного суверенитета. В этом смысле добровольная передача государствами (с соблюдением требований принципа их формального равенства как субъектов международного права) в соответствии с международными договорами части своих правомочий межгосударственным объединениям и структурам означает не ограничение их суверенитета, а лишь одну из адекватных и надлежащих форм осуществления ими своих правомочий в рамках правовой концепции государственного суверенитета»³⁶.

Основные положения **правовой концепции суверенитета**, разработанной В.С.Нерсисянцем в рамках его теории либертарного правопонимания, изложены им в «Философии права» в связи с анализом гегелевской силовой концепции суверенитета. Гегель, писал он, отвергал демократическую идею народного суверенитета и обосновывал суверенитет монарха, трактуя его как абсолютную власть целого над единичным, т. е. государства как нравственно целого – над индивидом. Международное право Гегель характеризовал не как действительное право, а как сферу должностования, определяемую «суверенными волями различных государств, над которыми нет высшего права...».³⁷ Согласно такой концепции неправового (силового) суверенитета, государственный суверенитет рассматривался как «право» сильного, «право» на произвол, а не как форма свободы субъектов международного взаимодействия. С позиций такого подхода Гегель говорил о неизбежности войны и критиковал кантовскую идею вечного мира, поддерживаемого союзом государств.

Подобный неправовой суверенитет, отмечает В.С. Нерсисянц, «несовместим с признанием и соблюдением прав других субъектов, с общеобязательными для всех (от индивидов до независимых государств и мирового сообщества в целом) правовыми принципами и нормами, с современными устремлениями и тенденциями к повсеместному господству права как необходимому условию достижения стабильного внутреннего и внешнего мира. Обусловленную этим **современную правовую трансформацию государственного суверенитета** обычно неточно называют «ограничением прав суверенитета», «отказом от части суверенных прав» (в пользу союзов государств, мирового сообщества и т. д.). На самом деле здесь имеет место **ограничение государственного произвола**, отказ от «права» на произвол, перевод государства в русло и пространство общеобязательного для всех права, переход от прежнего силового, произвольного суверенитета к правовой концепции и конструкции суверенитета».

Современная тенденция к юридизации суверенитета означает переход от произвольного насилия в сфере международных отношений к правовым санкциям, от силовой борьбы к правопорядку. В этих условиях прежняя концепция суверенитета с ее «тягой к большому унитаристскому государству силы, гаранту собственной безопасности и источнику повышенной опасности для других» становится неадекватной формирующимся (несмотря на все известные трудности) новым правовым реалиям международных отношений. Появление в последние десятилетия целого ряда новых небольших государств с прежних неправовых позиций силовой концепции суверенитета выглядит как признак дезинтеграции, «однако по существу, – подчеркивает В.С. Нерсисянц, – это необходимое проявление **современных тенденций к правовому суверенитету и к правовой интеграции**». Претензии этих новых государственных образований на государственность и на суверенитет могут быть реализованы лишь в форме правового суверенитета, «в общем контексте современных тенденций к утверждению внутреннего и международного мира на универсальных правовых началах (на основе всеобщих прин-

³⁶ Нерсисянц В. С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире. С. 46–47.

³⁷ Нерсисянц В.С. Философия права. С. 639.

ципов права, правовой государственности, правового суверенитета, международного правопорядка, признания прав человека, прав малых наций и т. д.)»³⁸.

В заключение хотелось бы отметить, что при разработке концепции российской демократии очень важно удержаться от соблазна простых решений сложных проблем, которые предлагаются с позиций авторитарно-силового подхода. Конечно, неприятно признавать, что в своем демократическо-правовом развитии Россия отстает от западных демократий. Гораздо легче заявить, что у нас свое самобытное право и своя особая суверенная демократия. Однако, говоря и действуя в этом направлении, мы, по сути дела, предопределяем такой цивилизационный выбор, который не вписывается в основной вектор движения человечества в направлении расширения правовой свободы. Этот вектор общецивилизационного прогресса, в рамках которого «свобода индивида (ее мера, характер, содержание и т. п.) выступает в качестве главного критерия и основного итога достижений человеческой цивилизации на соответствующей ступени ее развития»³⁹, нуждается в конкретизации применительно к ключевым проблемам современности, главной из которых на данном этапе является, на мой взгляд, проблема **социальной справедливости**. Можно сказать, что осуществление на практике той или иной модели взаимосвязи этих двух фундаментальных составляющих общественной жизни – правовой свободы и социальной справедливости – в значительной мере определяет место страны в системе координат общечеловеческого развития. Именно в сфере социальной справедливости, где у России есть свои собственные исторические достижения, а вовсе не в области права и демократии, следует искать и находить ту самобытную специфику, которая должна быть учтена в процессе цивилизационного самоопределения страны. Что же касается права и демократии, то в этих вопросах надо, оставив в стороне все свои комплексы, учиться у Запада и осваивать его цивилизационные достижения.

---

³⁸ Указ. соч., С. 640, 641.

³⁹ Нерсесянц В. С. Право – математика свободы. М., 1996. С. 3.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.